

СТАНОВЛЕНИЕ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ В УКРАИНЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Период трансформации экономики Украины от экономической системы советского типа к современной рыночной экономике по историческим меркам весьма короткий – длится немного более двадцати лет. Однако он привел к столь масштабным и глубоким социально-экономическим преобразованиям в нашей стране, что заслуживает самого пристального внимания ученых – экономистов, историков, философов, социологов, политологов и др. Экономическая история этого периода развития национальной экономики Украины дает богатый эмпирический материал, отражающий взаимодействие теории и практики, объективной и субъективной составляющих исторического процесса.

Проблемами взаимосвязи экономической теории и экономической истории в условиях постсоветских экономик активно занимаются украинские и российские ученые: А. В. Бузгалин [1, 2], В. М. Геец [3, 4, 5, 6], А. А. Гриценко [4, 7, 8], М. И. Зверяков [9, 10], А. И. Колганов [2], В. Т. Рязанов [11], Н. А. Уперенко [12], К. А. Хубиев [13], Г. Н. Цаголов [14], В. Н. Черковец [15], А. А. Чухно [16] и др. В их работах исследуются: сущность переходного периода в странах с постсоветской экономикой и переходные формы; особенности этого сложного процесса в условиях Украины и России; последствия сочетания трансформационного и финансово-экономического кризисов в этих странах; влияние разных экономических теорий на хозяйственную практику; проблемы и ошибки в теоретическом обосновании и практической реализации рыночной реформы, которые помогает раскрыть экономико-исторический анализ, с учетом мирового опыта и конкретных результатов реформы в отечественных условиях.

В то же время эта проблематика, в особенности в контексте системных преобразований национальной экономики Украины, взаимосвязей разных направлений экономической теории с экономической реальностью, с экономической политикой и ее социально-экономическими последствиями имеет очень много недостаточно исследованных и дискуссионных вопросов.

Исследуя взаимосвязи экономической теории и экономической истории, необходимо обратить внимание на такие аспекты данной проблематики:

1. Экономическая история предоставляет важнейший эмпирический материал, прошедший через призму экономико-исторического анализа, необходимый для разработки экономических теорий, экономических моделей, а также их дальнейшей конкретизации и модификации в процессе научного отражения изменяющейся экономической реальности. Не случайно первоначально экономическая теория капитализма, в значительной мере опиралась на экономическую историю Англии, где капитализм развился раньше, чем, в других странах, например, в России. Поэтому российские ученые в период формирования этой теории в основном занимались докапиталистическими отношениями и перспективами становления капиталистической экономической системы, в частности, проблемами развития общества до и после отмены крепостного права в России, возможностями использования в процессе экономической трансформации сохранившихся отношений общинного типа и т.д.

2. Экономическая история выполняет функцию проверки теоретических гипотез и, соответственно, способствует их превращению в экономические теории; определению исторических и познавательных границ действительности тех или иных теорий; выяснению их прогностических возможностей; предотвращению повторных ошибок в объяснении определенных экономических явлений и применении основанных на этом рекомендаций для экономической политики. В то же время следует подчеркнуть, что экономические теории высокого уровня абстракции невозможно непосредственно проверить эмпирическими данными, так как их разделяет

немало опосредующих звеньев, промежуточных форм. Это же относится и к экономическим моделям – экономическая жизнь всегда более сложная и разносторонняя, чем упрощающие ее модели, абстрагирующиеся от многих факторов, которые при определенных обстоятельствах могут играть решающую роль в объяснении экономических процессов и явлений.

3. Исследования в рамках экономической истории содержательно дополняют картину экономической жизни общества на определенном этапе развития и в условиях разных стран, исправляя несколько однобокую, объективистскую ее трактовку в ряде экономических теорий (в частности, в марксистской политэкономии). Это позволяет учесть роль субъективного фактора в истории, роль элит, особенности культуры, ценностных установок, менталитета, которые оказывают немаловажное влияние на конкретные механизмы функционирования и развития экономики. В настоящее время эту функцию в значительной мере взяла на себя институциональная теория, которая предполагает введение в сферу анализа как экономических, так и неэкономических институтов и механизмов их взаимодействия, что зачастую весьма важно для понимания вариаций в формах и путях развития социально-экономических отношений в разных странах, особенностей экономической политики государства и ее влияния на хозяйственные процессы.

4. Сознательное или неосознанное использование правительствами разных стран принципов и рекомендаций определенных экономических теорий меняет экономическую действительность, объективируя эффективные или неэффективные с позиции прогрессивного движения экономики и общества правовые и хозяйственные формы (в том числе, создавая так называемые «институциональные ловушки»), которые оказывают существенное влияние на субъектов экономических отношений, на темпы и качество экономического роста, на вектор движения данного общества.

5. Экономическая история и экономическая теория взаимосвязаны также эвристической функцией: ставят одна перед другой новые проблемы в

исследовании экономических процессов и совершенствуют интеллектуальный инструментарий для анализа этих проблем.

Учитывая многоаспектность взаимосвязи экономической теории и экономической истории, рассмотрим некоторые весьма важные, с нашей точки зрения, аспекты влияния экономической теории на экономическую историю, касающиеся марксистского и институционального подходов к анализу системных преобразований в Украине и их отношению к исторической реальности.

На экономическую историю Украины, бесспорно, большое влияние оказала марксистская политэкономия, в том виде как ее интерпретировали государственные деятели и ученые СССР. В философском плане эта теория базируется на формационном подходе к объяснению экономической истории, общественного прогресса. Официальная идеология советского общества исходила из последовательного построения в нашей стране социалистического общества как первой ступени формирования коммунистической системы, более высокой по технологическому и социально-экономическому уровню развития, по сравнению с капиталистической системой, исчерпавшей свои прогрессивные потенции и раздираемой антагонистическими противоречиями (как действительно думали или только провозглашали такие суждения, в соответствии с официальными установками, советские исследователи). Считалось, что эти революционные преобразования общества осуществлялись в соответствии с теоретической моделью новой экономической системы, которая была весьма абстрактно, в главных чертах, описана в работах классиков марксизма, и опиралась на объективные тенденции в прогрессивном движении развитых капиталистических экономик разных стран. Для советской экономики, как известно, такого высокого уровня предпосылки социально-экономической трансформации еще не были созданы, это было связано с нерешенностью задач индустриализации экономики, развития процесса обобществления производства и т. д.

Поэтому 74-летняя история существования и развития советской экономики поставила перед современными исследователями массу вопросов. Был ли социализм в нашей стране? Была ли создана экономическая система более высокого уровня, чем капиталистическая? От чего к чему мы переходим, какая экономическая система находится в процессе становления? Происходит ли конвергенция двух экономических систем – капитализма и социализма?

В исследованиях этих проблем чаще всего говорится о переходе от «социалистической системы», «командно-административной системы», «государственного социализма», «государственного капитализма», «мутантного социализма» к «современной рыночной экономике» или к «социально ориентированной рыночной экономике». На вопрос о создании в наших условиях экономической системы более высокого уровня, чем капиталистическая, также дают неоднозначные ответы. Одни авторы отвечают утвердительно, отмечая значительные, быстро достигнутые успехи страны в индустриализации; в развитии ряда современных технологий, в т. ч. касающихся лидерства в космических исследованиях; в создании всеобщей системы социальной защиты населения, позволившей значительно повысить в стране уровень образования, здравоохранения, социального обеспечения. Другие авторы дают отрицательный ответ на этот вопрос, рассматривая данный отрезок экономической истории как «неудачный экономический эксперимент», «случайный зигзаг истории». При этом они опираются на факты, свидетельствующие об огромном разрыве в уровнях производительности труда в СССР и в наиболее развитых капиталистических странах; о несовершенстве (или даже несостоятельности) системы централизованного, директивного планирования, породившей многочисленные диспропорции, дефициты и приписки в экономике; о невосприимчивости советской экономики к достижениям НТР и ее неспособности удовлетворять личные потребности населения; об антигуманных чертах этой системы, допустившей колоссальные социальные издержки преобразований, сопровождавшихся массовыми репрессиями, голодомором, гибелью миллионов людей, возрождением

пережитков докапиталистических отношений в сталинских лагерях и в аграрной сфере, идеологическими и бюрократическими ограничениями свободы и прав граждан.

Для поиска ответов на все эти вопросы важно исследовать факты и тенденции экономического развития, как в прошедшем периоде, так и в настоящее время. В этом контексте, на наш взгляд, заслуживает внимания исследование А. А. Гриценко процессов капитализации и социализации экономики в ретроспективе и перспективе [7]. Автор отмечает, что развитие производительных сил повышает требования к качеству рабочей силы, усиливает зависимость производства от творческих способностей работников, их психологических качеств, настроения и т.д., поэтому развитие человека, в той мере, в какой оно входит в число условий повышения прибыльности, эффективности производства, становится заботой самого капитала, обуславливает социализацию производства. Социализация экономики (подчинение экономических процессов интересам развития человека), как считает А. А. Гриценко, исторически реализуется через два взаимосвязанных, но самостоятельных процесса: внешний и внутренний. Внешний состоит в подчинении производства целям человека путем захвата экономической власти и постановки соответствующих задач. Этот путь был реализован в бывшем СССР и других социалистических странах. В этом случае экономика еще не достигла того уровня зрелости, когда развитие человека становится внутренней потребностью капитала, поэтому ее собственная логика противоречила навязанной производству извне логике социализации. Это привело к экономическим деформациям (дефицитность, диспропорциональность, приписки, нерациональное строительство, снижение конкурентоспособности предприятий в силу значительной социальной нагрузки).

«Тенденция социализации, исторически развивающаяся внутри капитала вместе с реальным обобществлением производства, — пишет автор, — реализовалась в недостаточно экономически подготовленных для этого странах и образовала особую историческую линию развития в виде особого

экономического строя, противостоящего капитализму и конкурирующего с ним. Но, вместе с тем эта внешняя социализация бросила вызов капитализму, и он вынужден был модернизироваться с ее учетом, что ускорило внутреннюю социализацию, которая развивается вместе с капиталом и состоит в возрастании человеческого фактора в самом производственном процессе. Это реализовалось на Западе. Теоретическое обоснование этого нашло выражение в появлении и развитии разного рода концепций человеческого, социального, интеллектуального и т. д. капитала, которые с разных сторон раскрывают формы реализации социальной сущности человека в современных формах производства» [7, 194]. В современной Украине фактически была разрушена социализация, присущая советской экономике, и не сформировалась социализация капитала и обусловленная этим естественноисторическим процессом социализация экономики в целом. Это обстоятельство обуславливает множество негативных моментов в нашем обществе.

Таким образом, экономическая история СССР во многом отражает попытку на основе определенных теоретических установок извне, реализуя политическую и экономическую власть, осуществить социализацию экономики. При этом предполагалось наличие возможности непосредственного внедрения новых экономических отношений в объективную экономическую реальность, минуя естественные стадии вызревания материальных условий для них в виде развитого промышленного капитала, использующего передовые технологии. Этим и объясняется ограниченность элементов социализации в сформировавшейся советской экономике. Но, тем не менее, эти навязанные производству извне формы объективировались и стали существенно влиять на социально-экономические процессы в нашей стране и в других странах, включая индустриально развитые капиталистические страны. Несколько поколений советских людей выросли, разделяя господствовавшие в нашем обществе государственно-патерналистские ценностные установки. Поэтому, осмысливая современные негативные тенденции в социальной защите населения в Украине, во многом связанные с институциональным вакуумом,

возникшим при смене концепций социальной защиты, можно сделать вывод об ошибочности такой линии реформирования социальной сферы. Правильно было бы, на наш взгляд, сохранить элементы старой системы социальной защиты по типу макроконсенсуса (применяемой в Скандинавских странах на основе концепции Стокгольмской школы экономики, с элементами кейнсианской теории), повышая ее качество и уровень финансирования. И лишь затем стимулировать формирование дополняющей ее системы социальной защиты, предполагающей социализацию капитала. Это тот случай системной трансформации, когда была бы оправдана преемственность институтов разных систем.

В целом, по нашему мнению, в СССР не было социализма как целостной системы. Мы разделяем позицию тех авторов, которые пишут о мозаичной структуре экономических отношений в этом обществе: 1) об элементах докапиталистических отношений, связанных с личной зависимостью работников, с натуральным хозяйством, с простым товарным производством; 2) об элементах капитализма, проявлявшихся в теневой экономике и при использовании руководителями предприятий государственной собственности в частных интересах; 3) об элементах социализации экономики на макроуровне, связанной с государственной деятельностью по удовлетворению социально значимых потребностей – в науке, образовании, здравоохранении, культуре, социальном обеспечении; о незначительных элементах социализации на микроуровне – некоторые крупные предприятия имели возможность заниматься оздоровлением своих работников, обеспечивать их жильем, финансировать учебу и повышение квалификации; 4) об элементах государственного капитализма – использование государственной собственности, государственных финансов в интересах политической элиты и бюрократии.

Что касается централизованного, директивного планирования в СССР, то, на наш взгляд, его нельзя рассматривать как содержательную форму важнейшей сущностной характеристики социализма – всеобщей

планомерности, приходящей на смену стоимостным связям в капиталистическом товарном производстве. И дело не только в несовершенстве этой системы и порождаемых ею экономических деформациях, о чем уже говорилось, а в оставшемся открытым вопросе о принципиальной осуществимости планомерности как всеобщей формы экономической связи. Ведь даже в современную эпоху информационных и телекоммуникационных технологий представляется маловероятным централизованное, директивное планирование, охватывающее все виды экономической деятельности, производство всех продуктов и услуг в соответствии с заранее, до начала производства, известными общественными потребностями. Наблюдается слишком много индивидуальных, быстро меняющихся особенностей в личном потреблении, в предпочтениях индивидов относительно определенных видов деятельности для развития и реализации своих способностей, чтобы все это предусмотреть и заложить в жесткую систему централизованного, директивного планирования, не ущемляя при этом интересов каких-то членов общества. Нельзя также, на наш взгляд, говорить о наличии в советском обществе другой сущностной характеристики социализма – гуманизма. Он лишь частично проявился в определенной социализации экономики на фоне многочисленных, несовместимых с такой системой, антигуманных явлений.

То общество, к которому мы должны переходить, следуя исторической логике прогрессивного развития, с нашей точки зрения, – это смешанная экономика, модель которой в наибольшей мере реализована в Скандинавских странах.

Смешанная экономика обычно трактуется как экономическая система, в которой гармонично сочетаются механизмы рыночного и государственного регулирования; как переходная экономическая система, комбинирующая элементы зрелого капитализма и «реального социализма», результат «конвергенции» двух типов экономических систем и т. д. На наш взгляд, определение смешанной экономики не должно, с одной стороны, сводиться к сочетанию двух типов регуляторов экономических систем, которые

обусловлены содержанием господствующих в стране экономических отношений. С другой стороны, неправомерно говорить о «конвергенции» двух типов экономических систем, т. к. «реальный социализм» в соответствии с его теоретической моделью фактически не был создан ни в одной стране. Более точный подход к определению смешанной экономики, на наш взгляд, предлагает О. Шibaева, считающая, что система смешанной экономики отображается не как эклектическое сочетание капиталистических и социалистических форм, а как объективно обусловленный и исторически закономерный этап эволюции рыночных отношений в направлении социализации общества [17, с. 30].

По нашему мнению, смешанную экономику можно определить как современную, высокотехнологичную экономику, в которой на микро- и макроуровнях в значительных масштабах развивается процесс социализации капитала, производства и экономики в целом.

Такая экономика предполагает: 1) высокотехнологичную индустриальную базу, увеличивающиеся масштабы производства на уровне пятого и шестого технологических укладов; 2) в значительной мере подрыв товарной природы рабочей силы, имманентной капиталистическому обществу (концепция «декоммодификации», растоваривания рабочей силы), в связи с тем, что многие аспекты воспроизводства рабочей силы выпадают из системы возмездных, стоимостных отношений в результате социализации капитала и экономики; 3) гармоничное сочетание механизмов рыночного и государственного регулирования экономики; 4) внедрение эффективных механизмов социальной защиты населения на разных уровнях общественной структуры; 5) высокий уровень доверия в обществе, позволяющий осуществлять согласованную совместную деятельность во имя общих интересов социума, разрешать цивилизованным способом социально-экономические противоречия, развивать разные формы социального партнерства.

Институциональный подход к системным экономическим преобразованиям в Украине в философском плане, по нашему мнению, означает использование цивилизационной парадигмы объяснения экономической истории, общественного прогресса. Он предполагает учет влияния как экономических, так и неэкономических институтов на содержание, направление, темпы развития национальных экономик. Во многом истоки этого подхода связаны с исследованиями, осуществленными исторической школой экономической теории.

Институциональная теория рассматривает кардинальные, системные изменения в экономике как процесс трансформации формальных и неформальных ограничений в экономической деятельности, а также соответствующих механизмов контролирования их соблюдения. Институциональные изменения – важная составляющая процесса социально-экономического развития. Они являются основой изменений социально-экономических систем и осуществляются как революционным, так и эволюционным путем. Вектор институциональных изменений существенно зависит от роли государства в обществе, действующих официальных и неофициальных «правил игры», степени сформированности цивилизованных рыночных институтов, степени развития институтов демократии и гражданского общества и т. д.

Институциональный подход акцентирует внимание на том, что чистых социально-экономических систем не существует, так как действует принцип «смешанности», означающий, что открытая система должна характеризоваться разносторонностью и изменчивостью для быстрой адаптации к изменениям окружающей среды, для снижения рисков в ее воспроизводстве, развитии, взаимодействии с другими системами.

Современная экономическая история Украины свидетельствует, на наш взгляд, что мы фактически движемся в противоположном направлении от смешанной экономики, что в значительной мере связано с реализацией рекомендаций монетаризма – разновидности неоклассической теории (под

давлением МВФ и Всемирного Банка). Об этом свидетельствует беспрецедентное падение объемов национального производства во время трансформационного кризиса, тенизация половины экономики, возрастание бедности и резкая дифференциация населения по доходам, депопуляция населения, потери в уровне социальной защищенности граждан и т. д. К таким плачевным результатам привели, по нашему мнению: официальная установка на создание рыночной, а не смешанной экономики; разрушение основ и институтов советской экономики; несоблюдение принципов «смешанности» открытой системы, постепенности и институциональной преемственности в трансформационных процессах; неэффективное выполнение созидательной и регулирующей функций государства в переходной экономике Украины. В то же время есть немало примеров успешного эволюционного преобразования экономики (Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии и ряда других стран) с соблюдением принципов «смешанности» открытой системы, постепенности и преемственности в изменении институциональной системы. Интересный анализ этого опыта осуществил российский ученый Г. Н. Цаголов [14], правда, он трактует эти эволюционные преобразования как конвергенцию двух экономических систем, что, на наш взгляд, является спорным утверждением.

В пределах институционального подхода к объяснению экономической истории, общественного прогресса недавно сформировалась концепция «обществ с ограниченным и с открытым доступом к политической и экономической деятельности», которую предложили лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт, профессор Мэрилендского университета Джон Уоллис, консультант Всемирного банка С. Уэбб, профессор Стэнфордского университета Барри Вайнгаст [18]. Эта концепция, претендующая на новое объяснение общественного прогресса, главный акцент делает на природе монополизации экономических и политических рынков, на доступе лишь элиты к созданию и изменению организационных форм в политике и бизнесе в обществах с ограниченным доступом. С позиции этой концепции, в Украине существует «порядок ограниченного доступа»,

означающий высокий уровень монополизации экономических и политических рынков. Поэтому важно исследовать направления общественных преобразований для достижения «порядка открытого доступа» к политической и экономической деятельности, что необходимо для прогрессивного движения нашего общества.

Современные исследователи, по нашему мнению, сделали немало для анализа влияния разных направлений экономической теории на системные преобразования в Украине и разработки рекомендаций для более успешного развития отечественной экономики. К сожалению, в нашем обществе власти крайне редко прислушиваются к мнению ученых. Так, например, Национальный доклад в НАН Украины «Новый курс: реформы в Украине 2010—2015» [6] получил положительную оценку власти и общественности в Украине и России, но не стал научным обоснованием экономической и политической деятельности правительств этих стран. Причина такой ситуации: «Политические власти России и Украины не были объективно заинтересованы в научных подходах. Точнее говоря, их интересы не совпадали с интересами развития общества как целого. Такое совпадение интересов объективно обеспечивается только формированием среднего класса, составляющего большинство общества. Пока этого нет, не может быть и укорененной демократии, государства, реализующего общественные интересы, элиты, представляющей интересы всего народа. Зато есть борьба кланово-олигархических групп за частичную приватизацию государственной машины как инструмента обеспечения своих интересов, периодические переделы собственности, засилье коррупции, авторитарные тенденции и прочие атрибуты переходного, слабо структурированного общества» [4, с. 186].

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы и рекомендации:

1. В исследованиях взаимосвязи экономической теории и экономической истории, как правило, больше внимания уделяется влиянию экономической истории на экономическую теорию в таких аспектах:

1) предоставление экономической историей конкретных фактов, информации, которые, предварительно пройдя через призму экономико-исторического анализа, затем обобщаются и объясняются в определенных экономических теориях и соответствующих им экономических моделях; 2) экономическая история выполняет функцию проверки экономических теорий, определения исторических и познавательных границ действенности разных экономических теорий, выяснения их прогностических возможностей; 3) историко-экономические исследования содержательно дополняют картину экономической жизни общества на определенном этапе развития и в условиях разных стран, которая могла бы быть однобокой в результате реализации узконаправленной исследовательской программы в рамках определенной теории; 4) экономическая история ставит перед экономической теорией исследовательские задачи при появлении новых или модифицированных экономических процессов и явлений.

2. На наш взгляд, во время системной трансформации экономики советского типа в современную рыночную экономику особое значение имеет исследование влияния экономической теории на экономическую историю определенной страны: во-первых, исследователи такой экономики анализируют ее сущностные характеристики и механизмы, используя определенную экономическую парадигму, освещая именно ей присущие аспекты экономической жизни, и абстрагируясь от многих других ее аспектов; во-вторых, использование (сознательное или неосознанное) принципов и рекомендаций определенных экономических теорий в экономической политике государства обуславливает формирование правовых и хозяйственных отношений, которые могут быть эффективными или неэффективными с позиции прогрессивного движения экономики и общества, таким образом, в конечном итоге изменяется экономическая история определенной страны.

3. С позиции марксистской теории, которая базируется на формационной парадигме общественного развития, трансформационный процесс в Украине, на наш взгляд, должен был бы происходить от экономики

советского типа к смешанной экономике – к современной, высокотехнологичной экономике, в которой на микро- и макроуровнях в значительных масштабах развивается процесс социализации капитала, производства и экономики в целом. Однако многочисленные статистические данные, факты (современная экономическая история Украины) свидетельствуют о том, что наше общество движется в противоположном направлении, теряя социально-экономические достижения: происходит деиндустриализация, тенизация, деинтеллектуализация, дегуманизация экономики.

4. С позиции институционального подхода к системным экономическим преобразованиям в Украине, что в философском ракурсе означает цивилизационный подход к объяснению экономической истории, в исследовании необходимо учитывать влияние экономических и неэкономических институтов на содержание, направление, темпы развития национальных экономик (истоки этого подхода связаны с исторической школой экономической теории). Кардинальные, системные изменения в экономике с точки зрения институционального подхода рассматриваются как процесс трансформации формальных и неформальных ограничений в экономической деятельности, а также соответствующих механизмов контролирования их соблюдения.

5. Негативная тенденция в движении отечественной экономики в значительной мере, с нашей точки зрения, связана с реализацией рекомендаций монетаризма под давлением международных организаций, что происходило в условиях: злоупотребления административными методами влияния государства на хозяйствующих субъектов и сверхвысокого уровня коррупции в сфере государственного регулирования; несоблюдения принципов «смешанности» открытой системы, постепенности и институциональной преемственности в трансформационных процессах; неэффективного выполнения созидательной и регулирующей функций государства в переходной экономике Украины.

6. Позитивные изменения в экономике Украины, на наш взгляд, предусматривают углубленные теоретические разработки в направлении модели смешанной экономики, адекватной объективным и субъективным условиям развития национальной экономики, а также определение и реальное воплощение социально-экономических приоритетов, которые обеспечат движение по направлению к современной смешанной экономике.

7. Важно использовать познавательный и практический потенциал концепции «обществ с ограниченным и с открытым доступом к политической и экономической деятельности», которая была разработана в пределах институционального подхода к объяснению экономической истории, общественного прогресса (Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб и Б. Вайнгаст). Согласно этой концепции, в Украине существует «порядок ограниченного доступа», характеризующийся высоким уровнем монополизации экономических и политических рынков. Поэтому необходимо исследовать направления общественных преобразований для достижения «порядка открытого доступа» к политической и экономической деятельности. Одним из таких направлений (как свидетельствует экономическая история Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии и ряда других стран) является повышение уровня образования в стране, которое способствует давлению на элиты образованных, настроенных на реализацию национальных интересов страны, граждан.

Литература:

1. Бузгалин А. В. Возвращение политической экономии //Вопросы политической экономии. – 2012. – №3 (4). – С. 5-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
2. Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ //Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 119-132.
3. Геєць В. М. Суспільство, держава, економіка: феноменологія взаємодії та розвитку. – К.: НАН України; Ін-т екон. та прогнозув. НАН України, 2009. – 864 с.

4. Геец В. М., Гриценко А. А. Экономика и общество: непознанные грани взаимовлияния (размышления над прочитанным) //Вопросы политической экономии. – 2012. – №3 (4). – С. 183-207. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
5. Геец В. М. О единстве и противоречиях в развитии общества, государства и экономики //Вопросы политической экономии. – 2013. – №1 (6). – С. 18-35. [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
6. Новий курс: реформи в Україні 2010—2015. Національна доповідь /за заг. ред. В. М. Гейця та ін. — К.: НВЦ НБУВ, 2010. — 232 с.
7. Гриценко А. А. Капитализация и социализация экономики в ретроспективе и перспективе //Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. – 2009. – Випуск 15. – С. 191-195.
8. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / Под ред. д-ра экон. наук А. А. Гриценко. – Х.: Форт, 2008. – 928 с.
9. Зверяков М. Ліберальна ідея і модернізація економіки України //Економіка України. – 2010. – № 7. – С. 11-21.
10. Зверяков М. И. Становление рыночной экономики: Монография. – Одесса: Пальмира, 2008. – 304 с.
11. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: из прошлого в будущее //Вопросы политической экономии. – 2012. – №3 (4). – С. 11-43. [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
12. Уперенко М. О. Про творчу роль економічної історії в системі економічних наук і сучасної господарської практики / Історія народного господарства та економічної думки України (збірка наукових праць), частина 3. – Київ, 2009. – 300 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.info-library.com.ua/books-book-201.html>
13. Хубиев К. А. Инновационная экономика как фактор генезиса новых отношений //Вопросы политической экономии. – 2012. – №2 (3). – С. 52-59. [Электронный ресурс].–Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>

14. Цаголов Г. Н. Императив модернизации и конвергенционный набат: международный опыт //Вопросы политической экономии. – 2012. – №4 (5). – С. 198-232. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
15. Черковец В. Н. Политическая экономия versus экономика? //Вопросы политической экономии. – 2012. – №3 (4). – С. 90-114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
16. Чухно А. А. Модернизация экономики и экономическая теория //Вопросы политической экономии. – 2012. – №4 (5). – С. 5-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vopoliteco.ucoz.com/g/index.htm>
17. Шибяева О.І. Сучасні концепції змішаної економіки //Наукові праці Донецького нац. техн. університету. Серія: економічна. Випуск 38-3. – Донецьк, ДонНТУ, 2010. – С. 25-30.
18. Норт Д., Уоллис Дж, Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности //Вопросы экономики. – 2012. – №3. – С. 4-31.